

Л.П. Арефьева
Влияние Часового на сопротивление в терапии^[1].

От автора: «Целью этой работы является попытка взглянуть на сопротивление в терапии через призму теории архетипов. Кроме того, поскольку меня интересуют процессы, протекающие в универсальной саморегулирующейся системе, феномен сопротивления я постаралась показать в контексте функционирования архетипа Часового. Этому же посвящена клиническая иллюстрация, в рамках которой, на примере моего маленького клиента представлено описание соответствующей психодинамики».

Архетипы: Мать, Отец, Герой и Часовой как ключевые узлы системы.

Любая система: государство, группа, семья и прочее переживает в своем развитии стадию матриархата, где организующая и главенствующая роль принадлежит архетипу Великой матери. Также можно сказать, что Великая мать управляет любой закрытой системой, стремящейся к своему гомеостатическому равновесию, а не к развитию. Это в полной мере можно отнести и к психике.

Архетип Великой матери относится к основным архетипам коллективного бессознательного. Его мотивы универсальны для всего рода человеческого. «Его свойство суть нечто «материнское»: в конечном счете, магический авторитет всего женского; мудрость и высота по ту сторону рассудка...».^[2] Он неизменно присутствует в связях личности с природой, нацией, землей, Родиной, семьей, в отношениях с конкретными женщинами. «Бессмертие Великой матери обеспечивается не только той женщиной, которая родила, кормила и воспитала, но всеми контактами человека с природой и обществом, а главное тем, что он всегда и бессознательно наследует данный архетип и в его отношениях с миром обязательно присутствует материнское».^[3]

У каждого человека за эмоциональным отношением к собственной матери стоит коллективный образ матери - архетип Великой Матери. Отношения индивида с матерью складываются из имеющих место реальных свойств характера и установок матери и из фантазийных проекций на мать архетипического содержания. Эти связи образуют элементарную саморегулирующуюся систему (рис 1).

Рис.1 Элементарная саморегулирующаяся система.

Мать и дитя находятся в системных отношениях уже с момента зачатия и влияют друг на друга.^[4] Эти отношения регулируются архетипом Матери. У ребенка есть потребность, чтобы о нем позаботились, у матери есть потребность заботиться о ребенке.

Суть архетипа Великой Матери в упорядочивании и организации отношений между матерью и ребенком.

У новорожденного ребенка есть первичная самость, которая содержит все психофизиологические потенции, которые принимают форму архетипических ожиданий от окружения и предрасположенность к определенному восприятию, воздействию и реакции на окружение, а так же потенцию эго-сознания и врожденную способность к индивидуации.^[5]

Младенец организует свой опыт общения с матерью между позитивным и негативным полюсами. К позитивному полюсу относятся переживание заботы, ласки, то есть, все то, что защищает и обеспечивает рост и развитие ребенка. Так формируется полюс «хорошей»

матери. К негативному полюсу относится переживание, связанное с тревогой, отсутствием материнской заботы. У каждого ребенка есть переживания связанные с «хорошей» и «плохой» мамой.

Именно от отношений с матерью зависит мироощущение человека: чувствует ли себя человек принятым или отторгнутым, желанным или нежеланным. Отсюда отношение к другим людям, к обществу, культуре, к жизни и смерти.

Динамику отношений мать – дитя (в психике это отношения между эго и бессознательным) описывает «солярный миф». Своим появлением солярные герои обязаны солнечному циклу: восход, зенит, заход и надир.

Солярный Герой рождается в точке восхода, вырываясь из цепких объятий матери. Восходит, крепнет до своего зенита, чего-то добивается. Пожирающая Мать гонится за ним. После точки зенита силы Героя иссякают, и он попадает опять в объятия праматери. Далее идет «подземный» цикл Героя, ночное плавание по морю, «герой путешествует в мире незнакомых, но вместе с тем удивительным образом сродненных с ним сил; одни из них угрожают ему (испытания), другие оказывают волшебное содействие (помощники)». ^[6] Силы его все более иссякают, чем ближе к надиру. В точке надир его бессилие максимально, герой подвергается решающему испытанию и завоевывает свою награду. «Его триумф может быть представлен как брачный союз с матерью-богиней мира, как обожествление его самого (апофеоз) или же – если потусторонние силы остаются враждебными – как похищение блага, которое он пришел добыть (невесты, огня); по сути, это расширение рамок сознания, и тем самым пределов бытия». ^[7] Далее, следует возвращение под защитой трансцендентных сил или побег от них. В любом случае, в точке возрождения эти силы остаются за порогом. Изменившийся Герой несет благо, возрождает мир. Путь развития эго – это путь солнца. Вырываясь из тьмы бессознательного, эго достигает зенита функционирования, исчерпав запас сил, эго опускается в океан бессознательного для того, чтобы набраться сил, встретиться с собственными бессознательными ресурсами и снова вырваться из объятий бессознательного.

Герой целенаправленно идет навстречу опасности быть поглощенным материнским чудовищем, которое Юнг отождествлял с коллективной психикой. «Герой – это идеальный мужской тип. Оставив мать, источник жизни, он влеком бессознательным желанием обрести ее вновь, вернуться в ее лоно. Любое препятствие, встающее на его пути и мешающее его восхождению, носит теневые черты Ужасной Матери, которая истощает его силу ядом тайного сомнения и страстного желания вернуться в прошлое». ^[8]

Такая же динамика имеет место между эго ребенка и архетипом матери. С пробуждением эго-сознания связь между матерью и ребенком слабеет, эго набирает силу и стремится к оппозиции по отношению к бессознательному. Это приводит к дифференциации ребенка и матери. ^[9] Мать все больше приобретает индивидуальные черты, а надличностные черты Великой и Ужасной слабеют и передаются, к примеру, бабушке, как к «праматери»: мудрая, добрая и коварная, ужасная. Затем архетип уходит из сознания и приобретает мифологические черты.

После свершений каждому человеку необходим регресс, время для того, чтобы набраться сил. Вернуться в бессознательное, в мир, где правит мать, чтобы, соединившись с ней, эго опять обрело новые силы и освободилось от инерции бессознательного. ^[10]

Проявление архетипа матери в культуре стало возможно предположительно с началом земледелия и скотоводства. Люди стали зависеть от урожая и от плодovitости скота. Появляются культы матери-земли и матерей-животных, которые позднее приобретают образы богинь. Оседлый образ жизни привел к появлению чувства любви к родине, патриотизму. Человек ощущал себя на своей земле психологически и физически наиболее защищенным. Считалось, что духи предков, умерших на этой земле, охраняют племя и его территорию, чего не могут делать на другой территории. Эти духи считались наиболее могущественными силами, от которых зависело благосостояние племени и жизнь его членов. Леви-Брюль писал, что для первобытного человека своя страна это одновременно и символ и средство общения с невидимым могущественным миром предков и сил, от которых исходит жизнь людей и природы. Позднее, эти верования легли в основу связи человека с Родиной, в основу патриотизма, связи со своим народом, страной, нацией, родом, семьей и распространились повсеместно. ^[11]

Архетип Великой Матери, как и любой архетип, имеет множество вариантов: мать, бабушка, теща, свекровь конкретного человека; мать-родоначальница племени, расы; плодородие и изобилие: сад, пашня; цель избавления от страстей мира - рай, Валгалла, «Град Божий», нирвана; церковь, небо, земля, море; место рождения; смерть, саркофаг; в узком смысле - матка и все формы ее напоминающие; из животных - все помогающие животные. Все эти ипостаси Великой матери могут взаимодействовать между собой и все они являются необходимыми.

В религиях архетип Великой Матери проявляется, прежде всего, в наличии церкви. Церковь как нечто принимающее в себя. Выражение «в лоно церкви» уже говорит о присутствии архетипа матери. Церковь принимает в свое лоно покаявшихся и отторгает (отлучает) бунтарей, как мать, которая прощает раскаявшегося ребенка, и наказывает непослушного. Рай - это место, в котором человек появился, откуда он был изгнан и куда он стремится вернуться. Рай олицетворяет Праматерь, в чреве которой человек зародился, был отторгнут этим чревом и куда он приходит в конце жизни. Архетип Великой Матери - это и «Мария, которая в средневековой аллегорике является одновременно Крестом Христовым».^[12]

В мифах и фольклоре разных народов так же можно отыскать архетип матери. В наших русских мифах символизирует архетип матери, например, Баба Яга. Баба Яга - одно из древнейших воплощений смерти, хозяйка мира мертвых. Она пожирает людей, о чем свидетельствует забор из черепов вокруг ее избушки. Она же помогает герою отыскать дорогу в неведомое царство и снабжает его волшебными предметами. То есть она является существом, которое помогает и в то же время существом опасным. Такие божества восточных славян как Рожаницы тоже соответствуют архетипу матери. Эти божества присутствуют при родах и распоряжаются родами, брачными связями и смертью рожденного ребенка. Горная матка - мифическое существо Урала, покровительница горного дела, владелица несметных сокровищ - само название этого существа говорит об архетипе матери. А к тому же функции этого существа - охранять драгоценности и завлекать в глубины пещер тех, кто нарушает ее покой.

В мифах Германии можно найти такой персонаж как Мать Хлеба. От нее зависит урожай зерна. Кто ее обидит, тот останется без урожая. У египтян богиня Исида была символом плодородия и персонификацией сил земли вообще, позднее, у греков она стала приобретать и зловещие черты как покровительница мореплавателей (т.е. в ее власти погубить моряка или спасти его).^[13]

Знание того, как в мифологии человечества был представлен образ матери, дает возможность понять, из чего складывается образ личной матери у современного человека. Не редко можно столкнуться со странными образами матери во снах у пациентов, особенно детей. Например, мать видят в образе ведьмы, привидения. Или сновидцы пожираются чудовищами, рыбами, Бабой Ягой и т.п. Отношения человека к своей стране, семье, коллективу также складывается из архетипического отношения к матери.

У любой системы есть два пути: путь развития и путь стагнации. Путь развития обеспечивается героическим паттерном (т.е. возможностью появления в данной системе личности, которая сможет принять на себя функции Героя). Путь стагнации, сохранения гомеостаза системы обеспечивается паттерном Часового. Таким образом, по отношению к системе Герой и Часовой занимают противоположные позиции. Их отношения строятся по принципу компенсации. При этом на стороне Героя выступает трансцендентный Отец, на стороне Часового – Мать. Эти связи образуют т.н. «сложную систему», которая содержит в себе не только тенденции самосохранения, но также и возможности развития.

Рис. 2. «Сложная» саморегулирующаяся система.

Система оказывается «сложно» поляризованной. Чем отчетливее противоположности, тем выше напряжение в системе, тем более велика опасность нарушения текущего гомеостаза. «Лишь от противоположностей зажигается жизнь».^[14] При этом Мать и Отец не проявлены в реальной жизни, их присутствие лишь трансцендентно. Они являются первичными силами, и для проявления в реальной жизни и Мать и Отец, как бы «выдвигают» своих представителей: Часового и Героя.

Любой человек, находящийся в системе, выполняет в ней определенные функции. Эти функции связаны с определенным системным узлом. «...у любой самоорганизующейся системы в структуре есть несколько типовых «узлов». Их адекватная работа и обеспечивает системе способность к самоорганизации».^[15] Психика человека также является самоорганизующейся системой с типовыми узлами, выполняющими определенные функции. Анализируя психику только лишь как «элементарную систему» (мать - ребенок), мы не сможем увидеть психические процессы во всей их полноте. Например, не рассматривая узел Часового, мы не можем анализировать динамику сопротивления системным изменениям и процессы, вызванные этой функцией, окажутся непонятыми. Не рассматривая узел отца, мы не можем оценить, насколько успешным и интенсивным будет изменение в системе и будет ли оно вообще.

Для лучшего понимания системных процессов недостаточно описания отношений между матерью и героем. Особенно, когда речь идет об изменении системы. Здесь необходимо рассмотреть и такие узлы как Отец и Часовой.

Отец – противоположность матери, он представитель духовного принципа (в отличие от материнского материального принципа). Суть архетипа Отца – в организации и упорядочивании отношений между ребенком и социальным окружением. Если Мать – это бессознательное, то Отец – это источник сознания. Между собой они находятся в компенсаторных отношениях. Отец в жизни ребенка – это первый значимый другой, отличный от матери. Архетип Отца является крайне необходимым при социализации ребенка.

Без Духа - Отца невозможно рождение Героя, так как он оплодотворяет Мать. Отец дает силы Герою для сражения с Матерью. В схватке с драконом-Матерью, Герой и Отец - едины. Герой как фаллос Отца вторгается во чрево Матери. Часовой, как сын матери, даже если обнаруживает связь с Духом-Отцом, всегда держит сторону матери, управляя процессами сигнальной тревоги.

Как системный узел, Отец отвечает за доминанты развития системы. Напряжение между полюсами Отец-Мать дает системе необходимое развитие.

Юнгианские аналитики считают, что современное западное общество сформировано под влиянием архетипа Отца. Торжество разума, стремительное развитие индустрии, приоритет интеллектуальной деятельности – все эти атрибуты современного западного мира связаны с господством архетипа Отца.

Часовой – необходимая системная функция, занимающаяся охраной ее рубежей. Он сигнализирует о вторжении нового в систему, противостоит изменениям, рассматривает изменения в системе как нечто внешнее и чуждое. Чем более ригидна система, тем болезненней переживается вторжение, тем значимей для системы работа Часового.

Часовой выполняет важные функции в психике. Когда мы сталкиваемся с определением идентичности – проводим границу между «Я» и «не-Я», психика обращается к именно к Часовому.

Человек во власти Часового чутко реагирует на любые изменения в системе, даже если эти изменения незначительны. Чем серьезней нарушения системной границы, тем отчетливей и ярче реакция Часового.

Любые серьезные перемены в обществе происходят посредством участия личности. Роль личности в истории является огромной, но не как личностное проявление, а как отражение необходимости выполнения задач коллективного бессознательного.^[16] Личность в истории появляется тогда, когда обществу необходимо решить определенные проблемы. И здесь каждая личность играет свою роль. «Сформированные доминанты коллективного бессознательного в своем отражении вовне требуют личностей, которые, во-первых, чувствуют эти доминанты и описывают их, во-вторых, будут проводить эти доминанты в жизнь».^[17] Этих людей, которые остро ощущают и переживают события, настроения в обществе, которые знают причины и следствия происходящих событий, которые как бы концентрируют на себе проблемы общества и не остаются к ним безучастны можно разделить на две категории: люди действия, которым необходимо изменить сложившуюся в обществе ситуацию, и люди, которые остро чувствуют ситуацию и пытаются донести ее до общества различными средствами, но сами не принимают участия в конкретных изменениях. Первых можно отнести к традиционному Герою. Задачей Героя является изменение баланса ригидной системы. Герой – это необходимая системная функция, цель которой – изменение системы, когда она уже не отвечает изменившимся обстоятельствам.

Вторую категорию людей можно отнести к Часовым – носителям ценностей Матери. Задача Часового – раньше всех заметить приближение нарушителя – Героя, сообщить Основным силам – Матери о грядущих изменениях и, до подхода основных сил, держать оборону. Динамика работы часового упорядочивается специфическим паттерном.^[18]

Первая фаза: («ожидания-регистрации») когда часовой стоит на страже границы, высматривая нарушителя. Когда нарушитель появляется, часовой регистрирует этот факт. В этой фазе часовой актуально себя практически не проявляет.

Вторая фаза: («оповещения») когда часовой посылает сигнал Основным силам (системный объект – Мать, стремящийся к сохранению гомеостаза).

Третья фаза: («сдерживания») в ожидании подхода Основных сил, часовой сдерживает вторжение. В этой фазе задача часового – чем-то занять нарушителя, чтобы на время остановить вторжение.

Четвертая фаза: («стабилизации») часовой уступает место Основным силам и возвращается в свое исходное состояние – первую фазу.

Этот паттерн запускается каждый раз, даже если изменение в системе незначительно.

Судьба человека во власти Часового трагична. Одержимость Часовым возникает, когда этот паттерн становится доминирующим в психике. Человек, принимающий на себя роль системного Часового, получает существенную прибавку к самооценке, т.к., без его помощи невозможно сохранение гомеостаза системы. Он нужен любой системе. И даже если личности человека, захваченного Часовым, относятся с неодобрением, то к его роли относятся с большим уважением и бережностью. С другой стороны, роль Часового обязывает ее носителя быть дистанцированным от группы. «...идеальный Часовой – это функция, которая жизненно необходима системе. Все личностные вкрапления только вносят ненужные искажения».^[19] Дистанция с чужаками необходима, как и дистанция со своими, так как нарушение границы может произойти и изнутри. Любое вторжение, будь оно внешним или изнутри, Часовой воспринимает как выпад против него лично, с целью нанести ущерб его телу.

Иногда Часовой реагирует на вторжение непосредственно телесным страданием – симптомом, который тогда уже является сигналом основным силам о вторжении. Кроме того, одержимость часовым приводит человека к диссоциации: на одном полюсе оказывается эго, захваченное Часовым, на другом - вся остальная психика. Становясь Часовым в системе, человек обретает границы (заменяет личностные границы системными), это приводит к снижению тревоги, касающейся идентичности (особенно это касается людей пограничного склада). Человек обретает идентичность в системе. Это дает уверенность, успешное функционирование в рамках системы. Если вне системы человеку не удастся обрести уверенность и успешность, то он опять принимает на себя роль Часового, так как она уже привела к успеху. Постепенно эго-установка, основанная на Часовом, становится доминирующей. С течением времени она может стать единственной, а потому - ригидной. Тогда человека во власти Часового ждет жестокая компенсация в виде соматических или психических нарушений.

Проявление архетипов в творчестве.

Проследить тот или иной архетип можно по творческой продукции человека. Юнг писал: «Все, что находится в бессознательном, стремится проявиться вовне, и личность также в своем развитии стремится перейти из бессознательного состояния к целостному переживанию самого себя».^[20]

Юнг использовал рисование в терапевтической работе. Созданный на бумаге образ помогал клиенту увидеть какие-то скрытые части своего «Я» и осознать происходящие внутри него процессы.

Образы, создаваемые художником, это всегда символы. А значит, в их создании участвуют как сознание, так и бессознательное. Чем дальше сознательная эго-установка от своей противоположности в бессознательном, призванной компенсировать ее, тем выше напряжение между полюсом сознания и полюсом бессознательного. Срабатывает трансцендентная функция и появляется символ – картина.

«Один из фундаментальных фактов творческого существования заключается в том, что его достижения объективно важны для цивилизации, в то же самое время, они всегда представляют собой субъективные фазы индивидуального развития, индивидуализации творческого человека. Душа упрямо продолжает творчески «плыть против течения» нормальной непосредственной адаптации к коллективу; но то, что начинается, как компенсация личного комплекса архетипом, приводит к постоянному возбуждению архетипического мира в целом, который с этого момента уже не выпускает творческого человека из своих объятий».^[21]

Художники во все времена были выразителями духа своей эпохи. Кандинский писал: «Каждой эпохе дается собственная мера творческой свободы, и даже самые талантливые гении не могут перепрыгнуть границу этой свободы».^[22]

Художник черпает творческие силы как из личного бессознательного, так и коллективного. Он становится орудием архетипов, которые в форме комплексов присутствуют в бессознательном определенной группы и необходимы ей в качестве компенсации. Таким образом, задача художника по отношению к системе его группы – компенсация.

Тот или иной архетип доминирует в творческом человеке в силу его творческой природы. Доминирование архетипов в мироощущении художника может распространиться и на его личную жизнь – сделав художника почти неспособным к ней или, вызывают глубокий душевный конфликт, связанный человеческим несоответствием партнера архетипической проекции. Отсюда странная страсть художников к недостижимым, далеким, неизвестным возлюбленным.

В своей работе с детьми, я считаю важным использовать рисование. Часто ребенок не может вербализовать то, что с ним происходит, что он чувствует, но может это нарисовать. Сам по себе рисунок - это уже есть работа по символизации внутренних процессов. Чем выше напряжение между сознанием и бессознательным, тем более символичен рисунок. Кроме того, рисунок показывает аналитику то, о чем клиент может умалчивать. Очень часто именно с рисунка начинается беседа с ребенком о той проблеме, которая его мучает. Далее на клиническом примере можно увидеть, как творчество клиента способствовало процессу исцеления и в то же время являлось диагностическим критерием.

Клинический пример.

На момент прихода в терапию Артему было 10 лет. Мать обратилась с жалобами на замкнутость ребенка, частые болезни, припадки ярости и главное, навязчивые движения руками (он как бы играл рука с рукой). В целом, ребенок послушный, сам инициативы не проявляет, но требования, особенно мамы, выполняет. Очень любит музыку, с удовольствием занимается в музыкальной школе и играет на двух инструментах: кларнете и фортепиано. Сам Артем сказал, что ему хочется завести друзей, но из-за «войны» (так он называет игру руками) дети над ним смеются, считают ненормальным и не играют с ним. Он объяснил, что когда играет в «войну», он представляет компьютерную игру в войну, отключается и так отдыхает на уроках. Он так же отметил, что «война» начинается внезапно и контролировать ее он не может. Она либо сама заканчивается, и он «выныривает» в сознание, либо его одергивает учитель. Артем считает, что «война» появилась, когда ему было лет шесть. Мама же настаивает, что появилось это во втором классе, в восемь лет.

Артем второй ребенок в семье, есть старшая сестра 14 лет. Семья полная. Папа работает, мама – домохозяйка. Семья обеспеченная. Старшая дочь учится в престижной школе, Артем учится в частной школе. В семье существует определенная коммуникационная культура, в рамках которой нельзя проявлять агрессию на членов семьи. Обычно недовольный либо сам удаляется в другую комнату, либо его удаляют. Папа считается главой. Мама занимается обеспечением комфортной жизни для семьи. По негласному соглашению в семье симптом «войны» как бы не замечался, и тем более не обсуждался. На сексуальные темы в семье наложено табу. С детьми вопросы сексуальности не обсуждаются. Сама мама была сконфужена, когда я спросила ее об этом. Сказала, что ей даже говорить не хочется на эту тему. И мать и отец заботятся о престиже семьи и ставят определенные планки для своих детей. Мама сказала, что ее очень огорчает, то, что Артем не может так же хорошо учиться, как его сестра, поэтому ей, матери, приходится регулярно заниматься с ним, чтобы повысить его успеваемость.

Мама рассказывала, что беременность проходила очень тяжело, еще внутриутробно ребенку был поставлен диагноз тяжелой почечной патологии, мама долгое время провела в больнице на сохранении. Родился ребенок в срок, роды были стимулированы. Маму и ребенка сразу поместили в больницу, предполагая развитие почечной патологии. Они пробыли в больнице месяц, никакой динамики в развитии патологии не было выявлено. Ребенка кормили грудью до 6 месяцев. В возрасте 6 месяцев Артем с мамой опять были госпитализированы (плохие анализы). Это случилось почти сразу после перевода с естественного вскармливания на искусственное. На этот раз врачи предрекали операцию. Но, проведя обследование, сообщили матери, что операции не будет. Мама Артема тогда решила, что операцию не делают потому, что ребенок все равно умрет. Она описывает свое состояние как глубокую апатию. Ей не хотелось подходить к ребенку, она убеждала себя, что наверно лучше если ребенок умрет, чем жить с такой болезнью. Через неделю их выписали. И хотя врачи утверждали, что пока все в норме, мать решила, что их выписали умирать. Свое состояние до исполнения ребенку года она описывает как постоянную тревогу и ожидание, что ребенок вот-вот умрет. Артем же рос упитанным и крепким мальчиком, за период раннего детства он так ничем и не болел. Мать говорит, что когда Артему исполнился год, ее как бы осенило, что ребенок будет жить. О сыне мать говорит, что он всегда был немного странный: замкнутый, с приступами внезапной ярости, редко смотрит в глаза, с взрослыми общается легко, но не очень любит это делать, предпочитает общаться с детьми или, еще предпочтительней, с мамой. Когда мы начали терапию, главный ориентир у Артема была мама или его класс. Больше время он любил проводить с мамой. Она приводила его в школу, потом сопровождала в музыкальную школу или бассейн, потом домой. Дома Артем либо делал с мамой уроки, либо играл за компьютером, либо они с мамой ходили по магазинам, посещали бабушку или ходили в кино. Одежду мальчику всегда подбирала мама, портфель собирала тоже она. Роль папы в семье очень условна. Папа мог ночевать на работе. Но даже когда был дома предпочитал смотреть телевизор. Старшая дочь в своей комнате, папа у телевизора, Артем в своей комнате за компьютером, либо с мамой на кухне или в родительской комнате.

Сам Артем очень крепкий высокий мальчик, очень похож на маму даже манерой речи. Взгляд бегающий, настороженный. Артем не чисто выговаривает шипящие звуки. Руки постоянно в движении, если ничего не держат. Когда он берет что-то в руки, то перебирает,

ощупывает предмет, но уже медленно. Учится средне, преуспевает в математике и русском языке, испытывает большие трудности в изучении иностранных языков.

К самому факту терапии отнесся поначалу с негодованием, считая, что это необходимо только сумасшедшим. Несмотря на дефект речи, говорит много, красивыми длинными фразами – как бы размышляя вслух.

Ключевые моменты аналитического процесса.

Аналитический процесс начался с прихода мамы Артема. Она рассказала историю его рождения и развития во всех деталях. Потом долго говорила о проблемах ребенка и, что ей бы хотелось избавить его от них. Основным мотивом обращения было то, что учителя жалуются на Артема, когда он выключается и играет руками, а дети над ним смеются. Мы обсудили условия сессинга. Ребенок загружен различными кружками, поэтому был только один день для нашей работы. Мы договорились, что Артем будет приходить один раз в неделю с 16-00 до 17-00. Мама настояла, что оплату будет производить сама, так как не доверяет ребенку. Мы обговорили невмешательство мамы в процесс и сохранение права тайны, как за ребенком, так и за мной. Я предупредила маму, что динамика работы может отличаться от ее пожеланий и даже вызвать сопротивление и желание забрать ребенка из аналитической терапии.

Первый прием состоялся в середине сентября. В назначенный день и час Артем зашел ко мне в кабинет. Сказал: «Здравствуйте!». Я ответила: «Здравствуй!» Очень неуверенный, он стоял у двери и быстро «ощупывал» взглядом помещение. Я предложила ему садиться в кресло. Сама села напротив (последующие полтора года мы не меняли эту позицию, за исключением времени, когда Артем рисовал за столом). Сев в кресло, Артем сжался, засунул ладони между ног, и настороженно озирался, избегая смотреть на меня. Я еще раз поздоровалась с ним, более формально: «Привет, Артем!». Он улыбнулся, ответив: «Здрасьте!». Негласно, такое приветствие стало нашим ритуалом вхождения в процесс и является им до сих пор. Ребенок молчал, и я стала спрашивать его, знает ли он, зачем присутствует здесь. Его глаза очень быстро забегали, он начал играть руками и стал говорить скороговоркой, что нет, не знает, что у него все в порядке, он не сумасшедший. Я объяснила ему, что не работаю с сумасшедшими, и рассказала, с какими случаями обращаются ко мне люди. Также сказала Артему, что насильно его никто ко мне не будет приводить. Он засунул руки обратно, между ног. Я предложила ему свою помощь в исследовании вопросов, на которые он не может найти ответы. Он немного подумал, и сообщил:

А: А вот знаете... У нас недружный класс, я понять не могу почему.

Я: Угу, а как это недружный?

А: Ну... Они какие-то...не хотят дружить.

Я: А кто с кем не хочет дружить?

А: Например, наши девочки не хотят ни с кем дружить из мальчиков... только одна Настя дружит с Димой.

Я: А ты с кем-нибудь дружишь?

Артем впервые посмотрел мне в глаза, всего несколько секунд, и опять отвел взгляд в сторону.

А:...(с горечью) нет, ни с кем не дружу. Я дружил, с Леной до второго класса, а сейчас она все с девочками...

Я: Артем... ты бы хотел с кем-нибудь подружиться?

А: ... ну-у-у... да! (Взгляд мне в глаза и, тут же, опять в сторону) Да я бы, наверное, хотел с кем-нибудь подружиться. Ну, хотя бы Лена опять бы стала со мной дружить.

Я: Артем... мы можем с тобой разобраться, как так случилось, что у тебя сейчас нет друзей, и ты тогда сможешь решить, как тебе поступить в этой ситуации. Ты согласен над этим поработать?

А: Хм... пожалуй, да... (очень серьезно, насунив брови и глядя в пол) я очень хочу иметь друзей, это ужасно не иметь друзей... да, буду.

Дальше мы разобрали условия нашей совместной работы (сессинг). Он рассказал о своем классе. Мы договорились продолжить в то же время через неделю. Так началась наша работа с Артемом.

Следующая сессия не состоялась – Артем заболел, насморк с температурой. Мне позвонила мама и сообщила об этом, она была очень озабочена внезапностью заболевания и

сказала, что, если к следующей встрече Артем не поправится, она мне сообщит. Следующая встреча состоялась. Артем был раздражен, предпочитал отмалчиваться, сказал, что больше всего хотел бы пойти домой. Я спросила его, хотел бы он сделать это прямо сейчас? На что он усмехнулся и сказал, что нет, пойдет после занятия. Говорил вяло, на вопросы предпочитал отвечать: «не знаю». Это вызвало у меня некоторую тревогу. Но, похоже, такое течение процесса доставляло Артему удовольствие, он был более спокоен, чем в первую встречу, взгляд хоть и был направлен не на меня, но не бегал. Я сказала ему о своей тревоге, на что Артем усмехнулся и сказал: «ну, не знаю, не знаю». В эту встречу, он предпочел говорить о маме, которая одна его любит, о классе и о злобной классной руководительнице.

Наша следующая встреча состоялась в положенный срок. В дальнейшем мы действительно стали обсуждать ситуацию с отсутствием друзей. Примерно через два месяца Артем сам мне рассказал о «войне», сделав предположение, что одноклассники могут считать его странным из-за этого. Он подробно рассказал мне о «войне». Рассказал, что начинается это внезапно, чаще на уроках, когда мы начали выяснять в какой части урока, то выяснили, что во второй половине, когда идет объяснение нового материала. Если учитель замечает, то одергивает его, а если нет, то через какое-то время «война» сама заканчивается. Особенно часто это бывает на уроках английского и французского языков. Он так же рассказал о фантазии, которая разворачивается во время «войны»: есть те, кто нападают и те, кто обороняются, все они роботы, как в компьютере. Этой битве нет конца, так как те, которые обороняются, не могут уничтожить тех, кто нападает, они могут только обороняться, а те, которые нападают, не имеют достаточно сил, чтобы прорвать оборону. Когда я спросила, что будет, если нападающие накопят достаточно сил, то Артем ответил, что ничего не будет, обороняющиеся укрепят оборону.

Дальнейшая наша работа являлась попытками исследовать фантазию и найти аналогии с реальной жизнью Артема. Мы попытались увидеть смысл в этой фантазии. И вышли на эго-установку Артема, что быть немного странным - это неплохо. «Если ты странный или...больной, ты можешь что-то не делать, и тебя не будут ругать и заставлять, ты ведь странный». Получается, что одной из функций данного симптома – обеспечение границ безопасного выживания. Симптом здесь выполняет системосохраняющую функцию. Мы стали обсуждать недостатки этой установки, и как следствие ее – отсутствие друзей. Мы решили исследовать, как другие люди справляются с ситуацией, когда не хочешь что-либо делать.

В то время, пока шла эта работа, Артему удалось найти себе друзей.

Каждый раз, когда мы выходили на важную тему, следовал пропуск одной, а иногда и двух сессий по причине болезни Артема или сессия, которая следовала за той, на которой всплывал важный материал, проходила вяло, с явным сопротивлением Артема. В те моменты, когда происходили качественные изменения, которые проявлялись, прежде всего, в более доверительном отношении Артема ко мне и соответственно в большей открытости, и подъеме нового материала, «активизировалась» мама Артема. Она приносила мне то историю болезни из поликлиники Артема, то его детские фотографии, то заключения обследования, то семейные видеозаписи. Или жаловалась на учителей Артема, на отца, который мало уделяет им внимания. После таких периодов «активизации», она опять надолго затихала.

С июня по сентябрь мы не встречались с Артемом, он отдыхал у бабушки в деревне. В сентябре первой пришла опять - таки мама. Она жаловалась, что Артем ничего не хочет: ни в школу идти, ни читать, ни чем-либо заняться, кроме компьютера, а, когда она запрещает ему играть в компьютер, он сидит и играет руками. Она сказала, что измучена попытками, как-то растормошить сына. Тогда я предложила ей самой попробовать пройти аналитическую терапию, мотивировав тем, что пора ей позаботиться о себе, разрешить свои тревоги и беспокойства. Она ушла озадаченная.

Наша встреча с Артемом после каникул состоялась в начале сентября. Мальчик очень вырос и окреп. Он с радостью рассказывал мне, как провел лето. И нарисовал рисунок: сначала, обычный деревенский домик, потом, обычные деревья (оказалось, что Артем хорошо рисует) и затем, карикатурный человечек: «Это я!» - хитро глядя на меня, с удовольствием сказал Артем. Я спросила: «Этот человек странный?». Артем (с хитрой улыбкой): «Нет, он забавный».

Перед следующей сессией опять появилась мама, спросила, как идут дела у Артема. Мне пришлось, размыто ответить, что мы работаем, есть кое-какая динамика. Она сказала, что

хотела бы тоже походить на аналитическую терапию, но чувствует тревогу по этому поводу. Я порекомендовала ей обратиться к моей коллеге. Так мама Артема стала сама проходить терапию.

Возможно, что одним из основных достижений первого года нашей работы с Артемом, явилось то, что мама сама пошла на терапию.

Итак, второй год работы с Артемом начался сложно. Он считал, что раз теперь у него есть друзья, значит, работать больше не с чем. Он стал нарушать сеттинг: опаздывать, а то и вовсе прогуливать сессии (болеть он стал меньше). Работа шла очень тяжело, и у меня иногда даже появлялись мысли о прекращении нашей работы. Но, в конце января, Артем пришел ко мне даже чуть раньше обычного времени. Он выглядел озабоченным. Сразу, после ритуала вхождения, он выпалил: «Я боюсь, что мои родители разойдутся». Я спросила, почему он так думает. Он ответил, что ему кажется, что что-то происходит, что он останется один, он не знает, что именно происходит, но уверен, что все не так как обычно. На мой вопрос, что именно необычно, он ответил, что не знает. В начале февраля, после двенадцатилетнего сидения дома, мама Артема вышла на работу. Артем отметил это событие трехдневной температурой и насморком. Но на этот раз мамы рядом не было. Он болел дома один. На сессии он говорил о своем возмущении, тем, что мама вышла на работу, непонимании, зачем она это сделала. Он сказал, что теперь он остался один. Ему разрешили самому ходить в школу и в кружки. Теперь Артем мог уходить из школы вместе с одноклассниками, благодаря этому, круг его друзей расширился. И, хотя у мальчика стали развиваться более теплые отношения с отцом, основной темой наших встреч была мама, отношения между Артемом и мамой. Мама для Артема была объектом идеальным, наделенным архетипическими качествами Великой, доброй матери. Любая моя попытка наделить маму человеческими, амбивалентными качествами встречалась Артемом с возмущением, все негативные черты начисто отменялись от образа мамы. Теперь она приобрела черты Ужасной матери. Тогда мы стали выяснять, как же он раньше справлялся с тем, что мама приводила его в школу и оставляла на целый день, или отправляла в деревню к бабушке. Чем больше способов приводил Артем, тем ниже падал уровень его тревоги. К этому времени я уже предположила, что имею дело с функцией Часового, и мы стали «договариваться» с ним, как с объективно существующей личностью. Я сказала Артему, что, наверное, есть две части его души, которые все время конфликтуют. Когда одна часть чего-то хочет, другая активно этому сопротивляется. Мы стали, с помощью активного воображения, примирять эти части души.

Я также предположила, что в своем классе Артем выполняет функции системного Часового. На новый материал он реагировал симптомом. И, хотя дети посмеивались над Артемом, открыто его не унижали. Он был одиноким в классе, но не отверженным. Работа с внутренним Часовым, по-видимому, позволила отчасти отделиться от роли группового Часового. Артем стал больше общаться с друзьями, стал ходить к ним в гости и приглашать к себе, стал общаться с подругами сестры. Попробовал выступить на школьном концерте – понравилось, стал регулярно выступать, играть на фортепиано и петь (оказалось, что Артем очень хорошо поет). В это же время активизируется его художественная активность. Он стал много рисовать. Все его сюжеты – природа во всем великолепии красок и форм. Состояние Артема стало улучшаться, он стал активно разговаривать на сессиях, даже шутить, все чаще мы встречались взглядами. А в начале марта Артем принес мне свое первое сновидение: «Мне снится, что я плаваю в бассейне, но время закончилось, и я выхожу из бассейна и иду в одних плавках по длинному, темному, извилистому коридору, ищу выход. Вдруг, из стен появляются руки и хватают меня, ощупывают, щипают. Мужские и женские руки. Они даже хотят меня изнасиловать. Мне страшно. Я пытаюсь вырваться, но не могу, они крепко меня держат». Это сновидение было очень важным для Артема - пока мы работали со сновидением, Артем был очень внимателен и сохранял контакт глазами.

Проработав сновидение, мы вышли на сознательную эго-установку Артема: «мне не очень нравится моя жизнь, но я не хочу ничего менять, потому что я слаб и мне очень страшно». Соответственно, компенсаторное содержание сновидения: «время бессознательного состояния (плавания в бассейне) закончилось, но обрести сознание (волю) означает осознать собственную незащищенность перед силами, которые намного превосходят собственные возможности. Тем не менее, выход (перемены) все равно придется искать!».

Дефицит собственных сил, не позволяющий продолжить «движение к выходу», связан с чрезмерным доминированием Основных сил (Матери) или, что в данном случае почти то же самое, со слабостью внутриспсихического Героя (при приближении к точке «надир»). Поэтому помимо интерпретации, я рассказала Артему о пути Героя, описав солярный цикл. Он сказал, что это очень похоже на то, что с ним сейчас происходит.

Дальнейшие встречи, вплоть до мая, были регулярны. Артем говорил, что «воюет» теперь очень редко и только дома. На одной из сессий в конце апреля он сделал предположение, что, ему кажется, одна часть его души хочет стать взрослой, а другая хочет остаться маленькой. Мы выяснили, что часть души, которая стремится стать взрослой, обладает способностью к разрушению, стойкостью, смелостью и способностью к завоеванию новых территорий. На следующей сессии в мае (последней, к моменту написания этой работы), Артем рассказал, что познакомился с подругой сестры, и она ему очень понравилась. То есть, мальчик реально сумел выйти за привычные границы, воспользовавшись энергетикой героя. Мы говорили о чувствах, которые вызывает у Артема общение с этой девушкой. О маме сейчас говорим мало, Артем часто говорит о том, как он нарушил тот или иной мамин запрет, и о том, как он ловко выкрутился или как ему попало от мамы. Он стал говорить о том, что мама не понимает некоторые вещи и поэтому запрещает, а он, Артем, считает это важным для себя и поэтому нарушает запрет.

На момент написания этой работы терапия Артема под угрозой преждевременного завершения. Мама мальчика резко вмешалась в процесс. Она стала требовать у него информацию, что происходит на сессии. Стала звонить мне, с требованием рассказать, что мы делаем. «Артем меня очень беспокоит, с ребенком творится что-то страшное, я не знаю, что мне делать. Я думаю, не закончить ли нам ходить к вам», - выпалила она скороговоркой в телефонную трубку. Я стала спрашивать, что такое страшное творится с Артемом. Она замялась и сказала, что Артем стал ругаться с учителями, может не слушаться ее и опаздывает в музыкальную школу. Я предложила ей встретиться и обсудить ситуацию. Предполагаю, что ситуация обострилась из-за того, что Артем смог, конструктивно взаимодействуя с собственным Часовым, «подвинуть», «расширить» собственные границы. Теперь его пространство включало большую аффективную свободу, что нарушало теперь уже границы семейной системы, вызывая панику у матери, которая вполне вероятно отработывала роль семейного Часового.

В течение первого года работы с Артемом, я столкнулась с сильным сопротивлением ребенка процессу терапии. Я мучительно искала причины этого сопротивления. «Копалась в себе», выносила случай на супервизорскую группу дважды. Поначалу, я не видела в наших отношениях архетипическую динамику. Через некоторое время я заметила стабильно повторяющийся паттерн: выход на новый материал бессознательного – болезнь или пропуск – нежелание работать, отмалчивается, ворчит – «допуск» к работе с новым материалом. Тогда я затруднялась с определением архетипа, но, понимая, что имею дело с презентацией коллективного бессознательного, стала реализовать попытки отделения личного от коллективного, обращаясь к личному отношению Артема ко всему, о чем он говорил, обращая его внимание на то, что он чувствует.

Пожалуй, только начав писать данную работу, я поняла, что столкнулась в работе с Артемом с динамикой внутриспсихического Часового мальчика. Это понимание снизило мою собственную тревогу и позволило более эффективно работать с ребенком. Уважение к внутреннему Часовому, попытки с ним договориться сделали наши с Артемом отношения более доверительными.

Влияние архетипа Часового на сопротивление в терапии.

Исходя из того, что основной функцией, как внутриспсихического, так и группового Часового, является обнаружение вторжения, как внешнего, так и изнутри, и препятствование всеми силами этому вторжению, мы считаем, что эта функция оказывает существенное влияние на сопротивление терапии. Следовательно, зная динамику этой функции и способы работы с ней, мы можем ожидать снижение сопротивления и установление более доверительных отношений между аналитиком и анализандом.

В приведенном выше примере ребенок столкнулся как с внешним вторжением в его психические границы со стороны аналитика, так и с внутренним, со стороны своего бессознательного. Паттерн Часового у Артема можно пронаблюдать с первой же встречи:

Первая фаза: неуверенность, осторожность, «ощупывание» взглядом помещения.

Вторая фаза: мой вопрос («нарушитель») о том, знает ли он, зачем присутствует здесь, вызвал бурную реакцию и в том числе симптом – игру с руками: его глаза очень быстро забегали, он начал играть руками и стал говорить очень быстро, что нет, не знает, что у него все в порядке, он не сумасшедший.

Далее следовала моя попытка уговорить, успокоить Артема. Но в данном случае уговаривать следовало не ребенка, а его Часового. Я тогда не поняла, что внутри собственной психики попытки ребенка что-то изменить (а они были, так как он все-таки пришел на терапию) тоже наткнулись на Часового, который оказал сопротивление. Внутри мальчика шла борьба между частью души, которая стремилась к развитию и частью, которая желала все оставить, как есть. Поэтому мои попытки не изменили динамику паттерна.

Перед тем, как начать непосредственно работу по качественному изменению того или иного параметра, Артем заболел, потом почти отказывался работать (третья фаза: приход Основных сил), и только после этого мы могли обсуждать и прорабатывать ту или иную тему (т.е., лишь после завершения четвертой фазы). Фактически, только поняв архетипическую природу сопротивления, его функцию в психике Артема, мы смогли продвинуться в работе.

Можно сказать, что, выстроенная в семье система гласных и негласных запретов «получила прописку» во внутреннем мире Артема, где регулярно сталкивалась с инстинктивными потребностями ребенка. Систему запретов охраняет Часовой, инстинкт с его потребностями – Герой, пытающийся прорваться через границу запретов. Иногда инстинктивному удавалось прорваться в виде сырого аффекта, что выражалось в приступах ярости. Но за каждый такой приступ ребенок расплачивался одиночеством (его уводили в другую комнату, чтобы побыл один и успокоился). И это означало, что Основные силы каждый раз брали верх. Постепенно симптом «войны» оказывался более выгодным, более безопасным, чем прямое проявление инстинкта.

На мой взгляд, до начала анализа и в течение почти всего аналитического процесса в психике ребенка шла борьба между «нарушителем» - Героем (вытесненной аффективной частью) и Часовым, чья позиция поддерживалась Основными силами. Герой не был достаточно целеустремлен (не доставало связи с трансцендентным Отцом), а на стороне Часового выступала почти всемогущая внутренняя Великая мать, которая меняла милость на гнев за мгновение перед тем, как Артем входил в контакт с вытесненным содержанием.

Столкновение Героя и Часового и было представлено в симптоме «войны». Свою крайность это противоборство приняло, когда ребенок пришел с ощущением, что родители разойдутся. Так проявился антагонизм архетипических Отца и Матери. Кроме того, это указывало на усиление позиции трансцендентного Отца, который теперь как будто может противостоять Матери на равных. Во многом это стало возможным благодаря нашей работе с Часовым («выдвиженцем» Матери), который теперь далеко не всякий раз взывал к Основным силам (Матери) при эпизодах нарушения границы.

По мере того, как ребенок осознанно принимал себя как носителя функции Часового, так и носителя функции Героя, «проживал себя» в этих столь разных душевных состояниях, знакомился с тем, какие чувства и желания они пробуждают в нем, он обнаруживал возможности примирить их. Речь идет именно о примирении, а не о революции (кардинальной смене текущего порядка) – запретные аффективные содержания (агрессивные чувства), благодаря постепенному «отодвиганию границы» постепенно потеряли статус «нарушителя». Состояние Артема улучшалось, симптом начал слабеть, ребенок смог социально адаптироваться.

К концу второго года обновленная эго-установка стала устойчивой. Прежде отвергаемый аффективный опыт оказался интегрирован. Это выразилось как в земном природном характере рисунков Артема, так и в прямом, осознанном неподчинении материнским директивам.

Заключение.

Знание структуры и динамики того или иного архетипа позволяет понять какие отношения строятся между аналитиком и клиентом, каков их смысл, каковы те процессы в психике клиента, свидетелем которых становится аналитик, и какую информацию они несут клиенту. Отношение к сопротивлению клиента как к живому существу, с которым необходимо вступить в контакт, чтобы понять смысл его присутствия в отношениях между аналитиком и клиентом, а не как к чему-то мешающему терапии, повышает уровень доверия между клиентом и аналитиком, делает процесс анализа увлекательным исследованием для обоих.

Если говорить об архетипе Часового, то понимание его функций в психике, его динамики и методов работы с ним, позволяет:

А) понять природу сопротивления;

Б) снизить тревогу самого аналитика, по поводу сопротивления клиента;

В) понять природу некоторых симптомов, связанных с работой Часового;

Г) превращает сопротивление, тормозящее аналитический процесс, в союзника, способствующего индивидуации клиента.

Д) понимать природу групповых процессов и влиять на групповую динамику;

Любой человек в процессе психического развития сталкивается с запретами. Эта ситуация, когда развитие становится потребностью, а запреты мешают ее реализовать, может вызвать глубокий душевный конфликт. Такой конфликт нашел свое отражение в симптоме моего клиента. Для него данный симптом явился способом выживания в таком конфликте.

Работа над темой Часового оказалась для меня чрезвычайно важной. В ходе работы мне пришлось столкнуться с собственным Часовым. Когда я хотела приступить к описанию терапии, внезапно заболел мой сын двусторонним отитом. Мне пришлось оставить работу над дипломом и сидеть с сыном. Пожалуй, это был яркий пример, как работает Часовой в системе. Я осознала, что мой ребенок выступил в качестве системного Часового. Отит прошел через два дня так же внезапно, как и начался.

Описание клиента, работы с ним, теоретическое обоснование аналитического процесса стало для меня важным опытом, который помог понять в целом структуру моей работы с этим клиентом и, думаю, что поможет при работе с другими.

Каждый аналитик в своей работе сталкивается с сопротивлением клиента. Особенно тяжело начинающим. Каждый находит свой способ работы с сопротивлением. Работа с Часовым – это один из способов, который позволяет как аналитику, так и клиенту взглянуть на природу сопротивления, понять его смысл и достаточно быстро и эффективно работать с этим.

^[1] Опубликовано: Уральский психоаналитический вестник №2. Екатеринбург, Издательство Уральского университета, 2005.

^[2] Юнг К.Г. Бог и бессознательное. М.: Олимп, ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998, с. 129.

^[3] Антонян Ю.М. Миф и вечность. М.: Логос, 2001, с.323.

^[4] Самуэлс Э. Юнг и постюнгианцы. Курс юнгианского психоанализа. М.: ЧеРо, 1997, с. 253

^[5] Там же, с. 250.

^[6] Кэмпбелл Д. Тысячеликий герой. М.: «Рефл-бук», «АСТ», К.: «Ваклер», 1997, с. 245.

^[7] Там же, с. 245.

^[8] Зеленский В.В. Толковый словарь по аналитической психологии. СПб.: Б&К, 2000, с.66.

^[9] Нойманн Э. Происхождение и развитие сознания. М.: «Рефл-бук»; К.: «Ваклер», 1998, сс. 174-177.

^[10] Юнг К.Г. Человек и его символы. М.: Серебряные нити, 1998, с. 119.

^[11] Антонян Ю.М. Миф и вечность. М.: Логос, 2001, с. 335.

^[12] Юнг К.Г. Бог и бессознательное. М.: Олимп, ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998, с. 129.

^[13] Фрезер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М.: Политиздат, 1986.

^[14] Юнг К.Г. Психология бессознательного. М.: «Канон», 1994, с. 91.

^[15] Кононов Р.А. Часовой. Комментарии к системным процессам.// Уральский психоаналитический вестник, 2002, № 1, с. 40.

^[16] Егоров Б.Е. Российский клинический психоанализ – новая школа. М.: Академический проект, ОППЛ; Екатеринбург:

Деловая книга, 2002.

^[17] Там же, с.81.

^[18] Кононов Р.А. Часовой. Комментарии к системным процессам.// Уральский психоаналитический вестник, 2002, № 1, с. 40-41.

^[19] Там же, с. 44.

^[20] Штейнхард Л. Юнгианская песочная психотерапия. СПб.: Питер, 2001, с. 28-29.

^[21] Нойманн Э. Психоанализ и искусство. М.: «Рефл-бук», К.: «Ваклер», 1998.

^[22] Там же.